

Ангел Богданович

**«Мужики» г. Чехова. – «В
голодный год Вл. Короленко»**

Ангел Богданович

**«Мужики» г. Чехова. – «В
голодный год Вл. Короленко»**

«Public Domain»

1897

Богданович А. И.

«Мужики» г. Чехова. – «В голодный год Вл. Короленко» /
А. И. Богданович — «Public Domain», 1897

«Много воды протекло съ того времени, какъ надъ «Антономъ Горемыкой» г-на Григоровича проливались потоки слезъ, и много эта вода унесла съ собой и еще больше всякихъ наносовъ оставила послѣ себя. Одного только она не могла унести и разрушить – интереса къ деревнѣ. Теперь, какъ и прежде, всякое живое изображеніе деревни и ея быта вызываетъ глубокое вниманіе, является центромъ, вокругъ котораго закипають словесные и журнальные споры. Это доказали еще разъ «Мужики» г. Чехова...»Произведение дается в дореформенном алфавите.

А. И. Богдановичъ «Мужики» г. Чехова. – «Въ голодный годъ Вл. Короленко»

Много воды протекло съ того времени, какъ надъ «Антономъ Горемыкой» г-на Григоровича проливались потоки слезъ, и много эта вода унесла съ собой и еще больше всякихъ наносовъ оставила послѣ себя. Одного только она не могла унести и разрушить – интереса къ деревнѣ. Теперь, какъ и прежде, всякое живое изображеніе деревни и ея быта вызываетъ глубокое вниманіе, является центромъ, вокругъ котораго закипаютъ словесные и журнальные споры. Это доказали еще разъ «Мужики» г. Чехова.

За послѣднее время мы не помнимъ, чтобы какое-либо другое произведеніе вызвало такой общій интересъ, какъ это. Успѣхъ его отчасти напоминаетъ вниманіе, съ какимъ былъ встрѣченъ послѣдній рассказъ Л. Н. Толстого «Хозяинъ и работникъ», хотя сущность этого вниманія глубоко различна. Широкая и безотрадная картина деревенской жизни, нарисованная г. Чеховымъ, далека отъ всѣхъ вопросовъ личной морали. Художникъ какъ бы говоритъ намъ этой картиной, что пока мы занимаемся ими, углубляясь въ дебри личнаго самоусовершенствованія, мистики и т. п. миллионы людей бредутъ въ безпросвѣтной ночи, живутъ безъ утѣшенія въ настоящемъ, не имѣя никакихъ надеждъ на лучшее будущее. Въ этомъ и заключается огромное общественное значеніе чеховскаго рассказа. Онъ снова и снова напоминаетъ читателю незабвенные слова Щедрина о «бѣдной пошехонской сторонѣ», которую «надо любить»...

Сущность рассказа чрезвычайно проста, до примитивности, какъ и жизнь, которую изображаетъ авторъ. Больной лакей изъ московскаго трактира «Славянскій Базаръ», Николай Чикильдѣевъ возвращается на родину, къ себѣ въ деревню, вмѣстѣ съ женой и маленькой дочкой. Всю жизнь онъ прожилъ въ половыхъ, еще мальчикомъ будучи посланъ въ Москву, «добывать» хлѣбъ. Ихъ вся деревня занимается этимъ промысломъ, съ легкой руки ихъ однодеревенца Лонгина Иваныча, ставшаго легендарнымъ, который первый вышелъ на эту дорогу и, ставъ буфетчикомъ, началъ выписывать своихъ земляковъ. Не сладка была эта жизнь, давшая въ концѣ разбитыя ноги и неизлѣчимую болѣзнь. Но то, что на первыхъ же порахъ встрѣчаетъ бывший лакей у себя дома, еще хуже. «Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто... Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу возлѣ иконъ были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги – это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность!»

И чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе удручающее впечатлѣніе производитъ эта бѣдность и ея неизмѣнные спутники – невѣжество, дикіе семейные нравы, взаимное самопоѣданіе, попреки, брань, ссоры. Въ первый же день московскіе гости посвящаются въ суть этой жизни. «По случаю гостей поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный – все о нуждѣ да о болѣзняхъ». Возвращается братъ лакея, Кирьякъ, пьяный, и слѣдуетъ семейная сцена, написанная, какъ и весь рассказъ, просто, безъ желанія что-либо прикрасить, съ тою особенною тонкою наблюдательностью, которая отличаетъ вообще манеру г. Чехова. Приводить ее мы не станемъ, отчасти за недостаткомъ мѣста, а главнымъ образомъ потому, что слишкомъ она обычна для деревенской семейной жизни, для «народнаго уклада». Пьяный мужъ бьетъ зря жену, при общемъ молчаніи присутствующихъ, и никто не только не считаетъ себя въ правѣ вступить и унять буяна, но, вѣроятно, очень удивился бы, если бы ему со стороны сказали,

что это его обязанность. «Народный укладъ» еще не дошелъ до понятія о необходимости вступаться за женъ, которыхъ колотятъ мужья.

Противъ г. Чехова раздаются голоса, что онъ утрируетъ мракъ деревни, что его сцены намѣренно подобраны такъ, чтобы сгустить краски. Можетъ быть, но намъ вспоминается книга бывшаго мирового судьи г. Вудмера «Бабы стоны», въ которой авторъ, подводя итоги своей судейской дѣятельности, приводитъ своеобразную статистику «бабьего боя», – и мы не помнимъ, чтобы его книгу находили «утрированной». А безчисленныя сообщенія провинціальныхъ газетъ, повѣствующихъ о томъ же, судебные отчеты, раскрывающіе такія семейныя картинки «народнаго уклада», что при чтеніи ихъ волосы на головѣ шевелятся отъ страха!

Братъ Кирьякъ и Марья – одна семья; Ѳекла – жена другого брата, отслуживающаго повинность въ солдатахъ, – дополняетъ картину ихъ семейной жизни: Марья – баба забитая, слезливая, Ѳекла – бойкая, «гульливая, озорная», красивая и смѣлая, она ищетъ удовольствія на сторонѣ, погуливая съ прикащиками. И опять приходится отмѣтить, что художникъ ничего не прибавляетъ отъ себя. Явленіе хорошо знакомое, давно изслѣдованное, отмѣненное, занесенное въ медицинскіе отчеты о санитарномъ состояніи деревни...

Могутъ замѣтить, что эти двѣ семьи – продуктъ новѣйшаго времени, а старый укладъ давалъ и лучшіе семейные устои. Авторъ приводитъ и представителей старой семьи – отца и мать этихъ новыхъ семей. «Старуха, которую и мужъ, и невѣстки, и дѣти, и внуки, всѣ одинаково звали бабкой, старалась все дѣлать сама, сама топила печь и ставила самоваръ, сама даже ходила на полдень и потомъ роптала, что ее измучили работой. И все она беспокоилась, какъ бы кто не съѣлъ лишняго куска, какъ бы старикъ и невѣстки не сидѣли безъ работы... Сердилась и ворчала она съ утра до ночи и часто поднимала такой крикъ, что на улицѣ останавливались прохожіе. Съ своимъ старикомъ она обращалась неласково, обзывала его то лежебокомъ, то холерой. Это былъ неосновательный, ненадежный мужикъ и, быть можетъ, если бы она не понукала его постоянно, то онъ не работалъ бы вовсе, а только сидѣлъ на печи да разговаривалъ». Старики ни въ чемъ не уступали молодымъ, ни въ чемъ не могли служить для нихъ примѣромъ. Тоже пьянство, ругань, отупѣлое, животное отношеніе другъ къ другу, къ дѣтямъ, къ жизни. Ольгу, жену больного Николая, «удивляло, что брань слышалась непрерывно и что громче и дольше всѣхъ бранились старики, которымъ пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли къ ней съ колыбели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.